

Глава 623: Из глубин темноты приходит голос (Часть II)

Услышав это утверждение, Сюэ Синчуань еще больше сузил глаза, сжимая свое копьё покрепче.

Он был Божественным Генералом второго ранга на континенте, его сила далеко превосходила обычных экспертов пикового уровня Конденсации Звезд, даже превосходя их по крайней мере на пол-уровня. Учитывая тот факт, что он был в расцвете своих сил, на пике духа, поведения и чего-либо еще, многие люди даже верили, что он превосходил стража Мавзолея Книг, Божественного Генерала Хань Цина.

Даже если Мао Цююй и Ань Линь объединят силы и получат помощь одного из важных артефактов Дворца Ли, Сюэ Синчуань был уверен, что сможет справиться с ними, но сможет ли он действительно удержать Чэнь Чаншэна здесь?

Как раз в это время с длинной улицы, которая была параллельна аллее Северного Военного Департамента, раздался взрыв, за которым последовал топот копыт и разрушение зданий в облака пыли!

Все в руинах двора повернулись в том направлении и увидели, что здания вдоль улицы уже были уничтожены, открывая сцену на главной улице.

Яркие свечи в лампах и пылающие факелы отбрасывали мрачный желтый свет на улицу, но, попадая на броню, он, казалось, вовсе не излучал тепло.

На одном конце улицы стояло восемнадцать кардиналов Дворца Ли, обладающих глубокими культивациями, а также несколько сотен кавалеристов Ортодоксии с арбалетами в руках.

На другом конце улицы была плотная волна войск, принадлежащих Департаменту Городских Врат столицы, и превосходно вооруженная Имперская Стража. Впереди них был сам Сюй Шицзи, со строгим и мрачным взглядом на лице.

Противостояние между Ортодоксией и Имперским Двором уже продолжалось всю ночь.

В самом начале две стороны искали человека, а сейчас их мечи были обнажены, а арбалеты заряжены, готовясь ударить в любой момент. В действительности две стороны уже начали действовать друг против друга. Рухнувшие здания, поднявшаяся пыль, трупы кавалерии в лужах воды по сторонам улицы, кровь, стекающая с уголка губ Сюй Шицзи, и три тяжелораненых кардинала были доказательством всего этого.

Настроение над улицей было невероятно давящим и напряженным. Даже боевые лошади могли почувствовать это, немного беспокойно ударяя копытами.

Человеком, который в конечном итоге закончил это противостояние, был тот, кого никто не ожидал.

Окровавленный Чжоу Тун выдохнул: «Я все еще жив».

Да, он все еще был жив, это было то, что Чэнь Чаншэн совершенно не хотел принимать, но как Имперский Двор, так и Ортодоксия были готовы принять это. Это означало, что у них все еще было пространство для маневров в этой ситуации.

Только что сам Чжоу Тун заговорил.

С аллеи, направленной к улице, прибыла повозка. Ее занавес поднялся, открывая лицо Принца Чэнь Лю.

Его прекрасное лицо было покрыто заботой, особенно после того, как увидело Чэнь Чаншэна.

«Я пришел забрать его», - Принц Чэнь Лю сказал Сюэ Синчуаню, его глаза были спокойными и бесстрашными.

Через мгновение молчания Сюэ Синчуань медленно опустил правую руку, бросил невыразительный взгляд на Чэнь Чаншэна, а затем приказал своим подчиненным: «Сопроводите Лорда Чжоу Туна обратно во дворец».

Копыта вновь застучали, как гром, но не так внушительно, как ранее. Кавалерия Имперского Двора и Ортодоксии подчинилась их соответствующим приказам и постепенно отступила в темноту на обоих концах улицы.

«Я добавил вам всем проблем», - Чэнь Чаншэн сказал Мао Цююй. Затем, с помощью Принца Чэнь Лю, он сел в повозку.

Из-за различных проблем с общей ситуацией и его мыслями он не хотел сейчас приближаться к людям Дворца Ли.

Ветер подбросил занавес повозки, и он увидел аллею Северного Военного Департамента и тот двор, который никогда не мог видеть в прошлом, увидел, как те Имперские Стражи поднимают Чжоу Туна на носилки.

Глаза Чжоу Туна были закрыты, его цвет кожи был ужасно бледным, а его тело было покрыто кровью. Он выглядел как мертвец.

Даже если имперские доктора Имперского Дворца смогут спасти его, душе и телу этого известного злодейского служащего всегда будет недоставать части. Он уже стал калекой.

Но раздражение на лбу Чэнь Чаншэна не могло так просто сойти.

«Были ли мои действия самонадеянными, игнорируя общую ситуацию?» - он спросил Принца Чэнь Лю.

Принц Чэнь Лю протянул руку и похлопал его по плечу, утешая: «Чжоу Тун, конечно же, не обычный министр, но Императрица станет использовать его лишь, если он будет полезным. Если бы ты действительно убил его только что, действительно ли бы Императрица стала мстить за него? Начнет ли она войну за него, чтобы убить будущего Попа? Конечно же нет».

По правде говоря, он не сказал все, что хотел сказать. С его точки зрения, если Чэнь Чаншэн был сыном Императрицы, его жизнь, естественно, была более важной, чем жизнь Чжоу Туна. Независимо от того, был ли тот слух правдой или нет, даже если Императрица хотела убить Чэнь Чаншэна, в ее сердце жизнь Чэнь Чаншэна была в тысячу, в десять тысяч раз важнее, чем жизнь Чжоу Туна.

Принц Чэнь Лю взглянул через занавес на Чжоу Туна на носилках и сказал тяжелым голосом: «Он просто собака».

«Только мертвая собака - это собака. Пока она все еще жива, это волк».

Чэнь Чаншэн вспомнил слова, которые Чжэсю однажды сказал ему, и внезапно почувствовал себя очень уставшим. Он сказал: «Сегодня я не смог убить его. Я не знаю, появится ли другой шанс в будущем».

Он очень хорошо понимал, что по крайней мере у него не будет другого шанса убить Чжоу Туна.

«Такого человека, как Чжоу Тун, естественно, трудно убить. То, что ты вынудил его оказаться в таком состоянии, уже очень впечатляет».

Как члену Имперского клана, Принцу Чэнь Лю было невозможно чувствовать какой-то позитив к Чжоу Туну. Он больше кого-либо другого хотел смерти Чжоу Туна, так что он он был больше всех благодарен за то, что Чэнь Чаншэн сделал сегодня.

«Я глубоко восхищаюсь тобой», - сказал он Чэнь Чаншэну.

Думая о сегодняшней суматохе в столице и напряженной ситуации на улице мгновение назад, Принц Чэнь Лю стал еще более серьезным. Он появился на длинной улице, а сейчас сидел в той же повозке, что и Чэнь Чаншэн, в сопровождении кавалерии Ортодоксии. Это было равносильно заявлению на всю столицу и Божественной Императрице, где он стоял.

Чэнь Чаншэн не думал, что было что-то такое, в чем стоило восхищаться о нем.

Потому что он все еще не убил Чжоу Туна.

В Ортодоксальной Академии Чжэсю однажды сказал, что после убийства Чжоу Туна он отправится на Гору Ли, чтобы забрать Ци Цзянь. В то время Чэнь Чаншэн, Танг Тридцать Шесть и все другие почувствовали, что это было невозможной задачей.

Такая важная фигура, как Чжоу Тун, естественно, была трудной для убийства, но сегодня он действительно был на грани успеха, если бы не тот факт, что он был заблокирован той тьмой.

Если бы не тот голос, который пришел из глубин темноты и прозвучал прямо в его море сознания.

Это был очень знакомый голос, а также голос, который он не слышал уже очень давно.

.....

.....

Когда темнота окружила двор, лишь Чэнь Чаншэн и Чжоу Тун были там.

Чэнь Чаншэн услышал этот голос, как и Чжоу Тун.

В то время Чжоу Тун думал, что это была иллюзия, созданная его пребыванием у дверей смерти.

Темнота была глубокой и тихой, холодной и зябкой. Он не хотел умирать, потому что смерть была еще более глубокой, тихой и холодной бездной.

В тот миг, когда он был ближе всего к смерти, вся его коварная и ужасающая оболочка полностью раскололась, оставив лишь злобного, жалкого и пугливого человечка.

Убедившись, что голос был настоящим, он без колебаний согласился на условия этой личности.

Как и ожидалось, этот сгусток темноты защитил его жизнь, но он не мог чувствовать и малейшего тепла в этом факте, и даже испытал еще больший холод.

Все обычные люди говорили, что Чжоу Тун и Военный Советник Демонов Черная Роба были одинаково известны, как заговорщики, но услышав голос той персоны, он осознал, что эти слова были просто шуткой.

Перед этой личностью, скрытой в глубинах темноты, какое право он имел называть себя заговорщиком, как он все еще мог считаться холодным и безэмоциональным? В глазах той личности он, вероятно, был просто псом.

У пса все еще было какое-то применение.

Но даже если он действительно был псом, он все еще хотел жить.

Даже если он был вынужден жалостливо махать хвостом и демонстрировать всему миру жалостливый вид, он все еще хотел жить.

Пока он думал об этих вещах, его мысли становились все более взволнованными, и Чжоу Тун, не в состоянии сопротивляться натиску своих ран, потерял сознание.

Под личным сопровождением Божественных Генералов Сюэ Синчуаня и Сюй Шицзи тяжело раненый Чжоу Тун был доставлен в Имперский Дворец.

Лишь таким образом, лишь в этом месте можно было гарантировать его выживание.

Новости того, что Чжоу Тун был тяжело ранен, наиболее вероятно уже распространились. В темноте столицы было невозможно узнать, как много людей хотели смерти Чжоу Туна.

Как и в ситуации, с которой Су Ли столкнулся во время путешествия на юг.

Глядя на Чжоу Туна на постели, испускающего умирающие вздохи, и на его раны, которые были жутким зрелищем, Сюэ Синчуань и Сюй Шицзи хранили молчание в течение очень долгого времени, ничего не говоря.

Они не знали, что сказать.

Как Чэнь Чаншэн умудрился сделать это?

То ужасающее и жалкое ранение от клинка, протягивающееся от левой стороны лица Чжоу Туна до его ребер, было полностью видимым под светом ламп, и это было жутким зрелищем.

Сюэ Синчуань и Сюй Шицзи оба думали, что понимали, каким человеком был Чэнь Чаншэн, особенно второй из них, но никто из них не мог представить, что он обладал такой доблестной стороной.

Прибыл мастер Священного Света, служивший при Имперском Дворе, вместе с лучшим имперским врачом во дворце. Также прибыл главный евнух, представляя Божественную Императрицу.

Даже после того, как лечение завершилось и было подтверждено, что Чжоу Тун сможет сохранить свою жизнь, Императрица не появилось.

«Я покину вас первым, чтобы решить кое-какие дела».

Сюй Шицзи, казалось, был затронут чем-то, его вид был весьма неприглядным, когда он покидал Имперский Город.

Сюэ Синчуань не уходил. Он осторожно очистил раны Чжоу Туна, а затем подвинул стул, чтобы сесть прямо посреди главного входа дворцового зала.

Он закрыл глаза, его копье было на его коленях.

Если кто-то захочет убить Чжоу Туна, он сперва будет вынужден убить его первым.

Потому что он был единственным другом Чжоу Туна в этом мире.

В этом мире у Чжоу Туна был лишь один этот друг.

Если даже он оставит Чжоу Туна, Чжоу Тун действительно останется в одиночестве.

.....

.....

Весь мир знал, что Сюэ Синчуань был единственным другом Чжоу Туна.

Это было то, что люди мира никогда не могли понять, даже раздумывая над этим в течение нескольких десятилетий.

Сюэ Синчуань был Божественным Генералом второго ранга на континенте. Учитывая, что Хань Цин сторожил мавзолей несколько столетий, он был истинным лидером Божественных Генералов. Будь это его культивация, его военный успех или его достижения на севере, он мог принять эту великую репутацию без малейшего стыда. Даже говорят, что он и Ван По - два кандидата с величайшей надеждой прорваться через грань и ступить в Божественной Домен.

И у него была хорошая репутация из-за строгого управления своими армиями и семьей, но он был друзьями с печально известным Чжоу Туном. В прошлом какой-то человек сделал предположение, что это могло быть из-за Божественной Императрицы. Однако, другие Божественные Генералы, лояльные Божественной Императрице, хоть и побаивались Чжоу Туна, никогда не относились к нему по-дружески по собственному желанию, и даже не смотрели на него хорошими взглядами.

Ни один человек не знал, почему эта дружба существовала.

Медицинские навыки врача Имперского Двора были превосходными, и Священный Свет тоже сыграл очень важную роль. Чжоу Тун перенес такие серьезные ранения, но он смог проснуться за короткое время.

Сюэ Синчуань встал и вернулся к постели, обращаясь к его чрезвычайно бледному лицу: «Не спеши говорить, залечивание твоих ран важнее».

Чжоу Тун проигнорировал его совет, говоря жалким голосом: «Разве я сейчас не похож на псину?»

<http://tl.rulate.ru/book/1222/175231>